

УДК 821.161.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.030

Евгений Боратынский и душа неупокоенного младенца

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено стихотворение Е. А. Боратынского «Недоносок», которое считается шедевром русской философской лирики. В стихотворении говорится о некоем духе, блуждающем между землей и райскими небесами. В отличие от иных, «высших» духов, он не может достичь рая: им был оживлен «недоносок», оказавшийся нежизнеспособным. Исследователи поэзии Боратынского обращали внимание на то, что это произведение соотносится с поэмами Данте Алигьери, И. В. Гёте, а также философией Платона и ветхозаветными образами. Была намечена связь стихотворения с традиционными славянскими поверьями. Цель статьи – проанализировать сюжетно-образную систему стихотворения Боратынского «Недоносок», сопоставив ее с распространенными у восточных славян фольклорно-мифологическими представлениями.

Важная особенность славянской мифологии состояла в том, что недоношенные и мертворожденные дети считались существами опасными. Они появлялись из «инога мира» и были «нечистыми». Поэтому столь важно было крещение младенца и наделение его христианским именем: так его «очеловечивали». Покинув наш мир, некрещеные младенцы (недоношенные, мертворожденные) начинали обитать в воздухе. Они были схожи с «нечистой силой», а также с душами вредоносных людей – колдунов и грешников. Не допущенные в рай и не упокоившиеся, они страдали сами и заставляли страдать других.

В стихотворении «Недоносок» Боратынский поэтически выразил распространенные в народе представления о «злой», «неправильной», не подготовленной к смерти и ее последствиях для младенца, покинувшего наш мир некрещеным. Эти архаические сюжеты и образы стали основой произведения. Они побуждали поэта к религиозно-философским размышлениям, в которых отразились впечатления от текстов знаменитых авторов прошлого.

Ключевые слова: русская поэзия XIX в., Е. А. Боратынский (Баратынский), философская лирика, посмертная судьба души человека, славянская этнография.

Проблематика: странный персонаж. Евгения Боратынского весьма занимало бытие духа, отделившегося от тела. Около 1835 г. он написал стихотворение «Недоносок». Весной того года оно было опубликовано в журнале «Московский наблюдатель». В 1842 г. Боратынский значительно его переработал и включил в свой поэтический сборник «Сумерки». В стихотворении говорится о некоем духе, блуждающем меж землей и райскими небесами.

По оценке И. М. Семенко, это стихотворение – «шедевр русской философской лирики» [55, с. 228]. Г. Хетсо тоже именовал его шедевром (указывая при том, что оно «труднодоступное», то есть непростое для понимания) [60, с. 321, 482]. М. Вайскопф назвал стихотворение «прославленным» [14, с. 278].

Слово «недоносок» прежде того использовалось П. А. Вяземским и А. С. Пушкиным как в прямом значении, так и в расширенном [45, с. 227–228; 47, с. 68, 72–73]. Возможно, Боратынский употребил его как аналог французского «avorton», значение которого и «мертворожденный», и «рожденный до срока» [3, с. 368–369; 4, с. 644; 11, с. 130; 60, с. 482, прим. 1; 65, pp. 277–278]¹. Обычно обращают внимание, что в этом стихотворении оно стоит в такой форме, которая указывает на неодушевленность: «оживил недоносок» (а не «недоноска»). Соответственно, речь может идти о мертворожденном [39, с. 142].

У Боратынского этот странный персонаж вещает, что он «не житель Эмпирея» – в рай он попасть не может. «И ношушь, крылатый вздох, // Межь землей и небесами». В ранней редакции текста было сетование, что дух не принадлежит к высшим: «Духи высшие, не я, // Постигают тайны мира...». Он подобен птице. Когда блещет солнце, ему радостно. А во время бури по нему бьют древесные листья и земной прах удушает его. Райские арфы звучат для него лишь дальними отголосками. Порою ему смутно слышны и звуки снизу: «...Гром

войны и крик страстей, // Плачь недужного младенца... // Слезы льются из очей: // Жаль земного поселенца!»

Важная деталь: младенца жалко, потому что парящий над юдолью страданий дух предвидит, что может ожидать умирающего ребенка.

Отчего же дух, оторвавшийся от грешной земли и не допущенный в рай, обречен вечно витать в пространстве? Вот финал стихотворения:

На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
В тягость твой простор, о вечность!²

Последняя строка была такой: «О, бессмысленная вечность!» Цензор ее вычеркнул, и тогда Боратынский заменил эту строку иной, о тягостном просторе вечности [11, с. 127]³.

Такому автору, как Боратынский, не была свойственна прямолинейность замыслов и образов. По-видимому, это стихотворение – развернутая метафора, его определяют также как метафизическое. Оно о скудости земного бытия, ограниченности человеческого одухотворения, роковой скоротечности жизни [13, с. 117–119], о ненужности человека в мироздании и бессилии человеческого духа [55, с. 257–260], о мучительном разладе человеческого существа, с возвышенными порывами души и низкой его природой [54, с. 15–16]. В нем усматривают образное описание судьбы творца-поэта [14, с. 278–280; 21, с. 15; 39; 47, с. 71–72; 52, с. 9–16], либо одинокого, отчужденного человека [60, с. 482–483], причем с отсылкой к личности и мировосприятию автора [48, с. 63–68]. Действительно, настроение, которое характерно для «Недоноска», заявлено Боратынским в стихотворном посвящении П. А. Вяземскому, которым открывается сборник «Сумерки» [8, с. 11].

В этом стихотворении находили отголоски Данте [39, с. 144–147], Гёте [6; 13, с. 118; 39, с. 161, прим. 38; 65] и философии Платона. Прослежены переключки с предшествующей русской поэзией.

Недавно появилась работа, в которой смыслы этого произведения сопоставлены с ветхозаветными образами. Согласно наблюдениям автора, стихотворение – «отзвук библейского Духа». Святой Дух в Библии – это Божий ветер (или Божье дыхание). Понимаемый так Дух одушевляет человеческое тело, без него человек мертв. «В самой сути библейского Духа, в его “ветрености”, заложено понятие смерти, мимолетности бытия. И эта страшная диалектика создает возможность “хулы на Дух”. Пример тому... “Недоносок” ...» [32].

И. Л. Альми при анализе этого произведения допускала «возможность многих толкований, в равной степени верных и не исчерпывающих поэтического смысла сказанного» [1, с. 106]. С. Г. Бочаров судил так: «“Недоносок” неуследимо почти “собрал в одно целое” очень многое из весьма обширного контекста “материалов поэтических” не только народной поэзии, но и литературы не только национальной, а также и философской мысли, в который он уходит корнями...» [11, с. 141]⁴.

Вполне оправданы поиски не только отдаленных, глубоких религиозно-философских прообразов и смыслов, но также народно-религиозных представлений, которые могли дать творческий импульс Боратынскому. Схожие образы есть в той культуре, которая была ему не менее близка, чем ветхозаветная или западноевропейская, а конкретно – у славян. На славянские поверья о детях, умерших при рождении или до крещения, в связи с этим стихотворением было указано Н. Н. Мазур и затем А. Ю. Панфиловым [39, с. 143–144; 43]. Это наблюдение требует дальнейшего развития.

Боратынскому доводилось размышлять о русской народной поэзии. В 1832 г. в письме к И. В. Киреевскому он отзывался о пушкинской «Сказке о царе Салтане»: «Это совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток». По его мнению, Пушкину нужно было собрать «материалы народной поэзии... в одно полное целое» или уж оставить их, как они есть.

² Это стихотворение в составе сборника «Сумерки»: [58, с. 31–35]. Здесь текст дается по изданию: [8, с. 33–41].

³ Боратынский хотел было написать «безжизненная» вечность, но исправил: «бессмысленная» [7, с. 35, 36].

⁴ См. также исследования этого стихотворения, опубликованные в самое последнее время: [31; 59, с. 89–101].

А собрать их можно только через поэтический вымысел... [2, с. 245]. Н. Н. Мазур отметила, что такое отношение к мифологии дано в его стихотворении «Предрассудок! Он обломок...» [39, с. 159, прим. 23]. В «Недоноске» Боратынский сделал то же самое: на основании народных поверий сформулировал последовательный сюжет [39, с. 143].

Посмертная судьба младенцев. Из стихотворения следует, что дух внедрился в тельце ребенка, когда тот находился еще в утробе матери. Слишком рано появившийся на свет младенец оказался оживлен совсем ненадолго, вскоре его покинула одухотворяющая сила – он «отбыл без бытия».

Между тем глубоко укорененная особенность славянской мифологии состояла в том, что недоношенные и мертворожденные дети считались существами опасными. Они появлялись из «инога мира», а потому считались «нечистыми» и лишь со временем мало-помалу «очеловечивались». Важнейшим было таинство крещения и связанное с ним надение христианским именем. Говорили, что до крещения души у ребенка нет, только «пар» [29, с. 658]⁵. Поэтому близкие обычно стремились как можно быстрее его окрестить, хотя бы предварительно (это могла сделать бабка-повитуха) или «заочно» [27, с. 102–105, 110; 28; 37; 64, pp. 52–55]⁶. Покинув наш мир, такие младенцы начинали обитать где-то в воздухе и носиться там взад-вперед [16, с. 145–148]. Это роднило их с «нечистой силой», а также с душами вредоносных людей – колдунов и грешников [15, с. 137–139; 28, с. 86–87; 35, с. 379–382; 49, с. 358]. Не допущенные в рай и не упокоившиеся должным образом, они страдали сами и заставляли страдать других.

Поскольку такие младенцы были зловредны и опасны для людей, то их зачастую не хоронили по-людски. Таких закапывали не на кладбище, а за его оградой или же под домом, в саду, вдоль дорог и т. п. [33, с. 138–149; 66, р. 56]. Даже в случае смерти обычных, крещеных детей и подростков их иной раз хоронили сами члены семьи, без участия священника [5, с. 183–184]. Скромно, с минимумом обрядов (не так, как в случае с взрослыми), обставляли погребение ребенка на Урале и в Вятском крае [19, с. 119; 20, с. 60–61].

Герой повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1861) Егор Молотов обнаружил посреди леса странные погребения некрещеных детей. Могилки оказались связанными с поверьями о душах таких младенцев и представлениями о том, где и как следует таких хоронить [34].

В повести («этнографическом очерке») Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» (1864) описаны подробности жизни уральских крестьян. «У Апроськи на семнадцатом году был ребенок, но ребенок этот не дожил до приезда священника, и когда он умер, его зарыли в лесу». А у Сысойки умерли младшие брат и сестра: «Зарыть их так – поп узнает, и тогда беда; ехать к попу – будет денег просить...» [50, с. 10, 14]. Вас. Ив. Немирович-Данченко в 1870-х гг. писал об искавших золото на Урале старателях, которые забирались в самую глушь. Среди них были и женщины. Одна рассказывала о страшном: «А то словно дите малое заплачет где – это непременно младенец, который помер некрещеный» [41, с. 304].

В тех случаях, когда мертворожденных хоронили на обычных кладбищах, то такое погребение не всегда становилось семейной церемонией: все участники – и члены семьи, и кладбищенские служители – относились к этому делу небрежно. Вот два примера, относящихся к Вятскому уезду Вятской губернии.

В 1870 г. крестьянка родила мертвого ребенка. Ее муж передал гробик с телом для погребения церковному сторожу, который велел своему работнику заняться этим. Тот унес гробик на кладбище и там, достав тельце, изрезал его, чтобы достать запекшейся крови, так как слышал, будто бы ею можно лечиться [18, с. 4; 57, с. 119]. Тут даже не церковный сторож, а его помощник в одиночку, без присутствия членов семьи, отправился закапывать гробик.

В 1886 г. в крестьянской семье родился мертвый мальчик. Отец привез гробик с телом в церковь. Священник велел передать гробик церковному сторожу. Отец заплатил сторожу и уехал. Лишь в 1890 г. младенца, оставшегося непогребенным, случайно обнаружили в подвале под колокольной. Сторож просто позабыл о нем [61, ф. 237, оп. 193, д. 525]. И в этом случае погребение должно было свершиться без участия семьи.

Интересные суждения о посмертной судьбе детей высказывались литератором И. М. Долгоруковым (1764–1823), который много размышлял о религии. В автобиографических записках он упоминал о смерти сына-младенца: «Где невинная душа его встретит родителей своих, о

⁵ См. также: [30].

⁶ См. также: [40, с. 225–272; 66, р. 56].

коих он умер, не имел еще понятия? Трудно решить вопрос: счастливы или несчастливы дети, в таком раннем возрасте умирающие? <...> Признаемся, что жизнь, какова она ни есть, есть благо для рода человеческого. Младенец об ней не жалеет, но свойственно участвующим в нем жалеть, что он ее не провел с нами...» [22, т. 1, с. 491–492]. Долгорукова считают деистом, который со временем стал склоняться к православию [56, с. 282; 63]. Но такую эволюцию едва ли можно проследить. Характерно, что сам он отвергал мнение, будто его любимая жена Евгения была деисткой [22, т. 1, с. 644–645]. Он высоко чтит христианство и следовал православным обрядам, хотя осознавал, что обрядность в религии – не главное. При этом, подмечая недостойное поведение священнослужителей, он нередко бывал настроен антиклерикально. Примечательны его сомнения в осмыслении непростой религиозно-этической проблемы – посмертной судьбы младенцев.

Долгорукова долго не оставляли эти мысли. В 1813 г. ему пришлось наблюдать погребение ребенка. Описав суетливые действия попа, он заметил: «...На что для младенцев, для чистейшего, так сказать, духа, такие нескладные обряды?» [25, с. 7].

Подобно «нечистой силе». Согласно же народным представлениям, некрещеные и мертворожденные дети уподоблялись зловредным мертвецам – тем, которые погибли неестественной смертью, не прожив отпущенного им срока. Это убитые, самоубийцы, утопленники, опойцы (сгинувшие от неумеренного питья) и т. д. Таких нельзя было погребать на освященной земле кладбища. Их прикапывали или просто клали на поверхность земли, закидывая ветвями, где-нибудь в дальнем, глухом месте – в чащобе, в овраге, на болоте, на распутье. Когда-то Д. К. Зеленин назвал всех таких вредоносных мертвецов вятским диалектным словом «заложные». Согласно его исследованию, даже образ русалок восходит к представлению о «заложных» покойниках [26]⁷.

Кое-где рассказывали об игошах – уродцах-проказниках в виде безруких, безногих младенцев. Полагали, что они происходят от мертворожденных и от тех детей, что умерли некрещеными. На Русском Севере верили в ичетиков – маленьких водяных существ, которые были душами младенцев, утопленных своими матерями. Дети, от которых избавились их жестокие матери, часто представлялись летучими, наподобие птиц или крылатых насекомых. Родившиеся неживыми или умершие некрещеными становились кикиморами. Вообще же к недоношенным детишкам относились сурово: зачистую их просто укладывали в теплое место, на печь, и почти никак за ними не ухаживали. Если такие выживали, то когда они, наконец, достигали положенного срока, о них начинали заботиться как о нормальных детях. В Полесье считали, что и выкидыши должны «дозреть» – их не зарывали в землю, а оставляли «доспевать» под кучей ветвей и бурелома [10, с. 1342, 1344–1345; 17, с. 166, 168; 24, с. 203–206; 26, с. 70–73; 37, с. 10; 42, с. 138–162; 53, с. 207–208]. У русских старообрядцев в Коми крае выкидыш помещали в долбленную колоду и хоронили в могиле одного из родственников. А если родившийся ребенок умирал до крещения, то говорили: у него «слепая душа». Считалось, что хоть души младенцев, умерших некрещеными, слепые, но зато они не погрязли в грехах и потому пребывают в некоей «южной стране» [23, с. 22, 29].

В Полесье выкидыши, а еще дети мертворожденные, умершие до крещения, погубленные своими матерями, представлялись существами, которые не могли упокоиться на «том свете». По заключению Е. Е. Левкиевской, полесские представления о них весьма архаичны, поскольку «те не обладают сколько-нибудь заметными вредоносными функциями и принадлежат скорее к классу “душ”, чем к классу демонов». Такие души, в отличие от умерших крещеными, не могут попасть в рай и обрести покой. Они маются, страдают от своей «нечистоты», носятся в воздухе, блуждают возле тех мест, где их закопали [37].

Боратынский и смерть. Сходство между старинными славянскими фольклорно-мифологическими представлениями и неким духом, который обрисован Боратынским, весьма значительно. Витание в воздухе между «тем» и «этим» светом, неуспокоенность, уподобление птице (дух летает и иногда поет по-птичьи). Даже своего рода материальность, свойственная демоническим существам, в которых верили крестьяне, заметна и в стихотворении: дух может слышать отдаленные звуки, по нему бьют древесные листья, его удушает прах, из его очей льются слезы. На библейский Дух – глобальный, все оживляющий – этот персонаж, не принадлежащий к разряду «высших духов», похож не слишком.

⁷ См. еще: [36; 38]. Иной взгляд на «заложных» покойников развивает А. А. Панченко, согласно которому это были оставшиеся неизвестными мертвецы, лишенные семейного поминовения (см., например: [44]).

Н. В. Патроева обратила внимание на то, как сам Боратынский переживал смерть собственного ребенка [46, с. 155]. В 1829 г. он писал П. А. Вяземскому: «Смерть подобна деспотической власти. Обыкновенно она кажется дремлющею, но от времени до времени некоторые жертвы выказывают ее существование и наполняют сердце продолжительным ужасом» [2, с. 183]. Для Боратынского смерть малого дитяти – не великая трагедия, однако она внезапно, подобно тирану, напоминает о своей власти над всеми нами. В стихотворении «Смерть» Боратынский воспевал ее могущество [9, с. 33–41]. По словам С. Г. Бочарова, в этом стихотворении смерть – «космический регулятор», она «патетически прославляется как полицейская сила, смиряющая “буйство бытия”...» [12, с. 329]. С. В. Рудакова пришла к выводу, что поэт воспринимал смерть не только как «негативное», но и как «позитивное явление бытия»: она торжественно-возвышенна, она открывает ворота вечности, ею заканчивается земное страдание [51]. Д. Н. Черниговский отметил, что такой вот мотив смерти «как благотворной силы, гармонизирующей мироздание... достаточно редок». Боратынский увидел «в смерти не неизбежное и трагическое прекращение жизни, а наоборот, источник ее вечного обновления» [63]⁸.

Стихотворение «Недоносок» – это произведение, в котором Боратынский поэтически выразил, помимо прочего, широко распространенные в народе представления о «злой», «неправильной», не подготовленной как должно смерти и ее последствиях для младенца, покинувшего наш мир некрещеным. Эти архаические сюжеты и образы побуждали поэта к религиозно-философским размышлениям, в которых, очевидно, отразились впечатления и от Ветхого Завета, и от текстов знаменитых авторов прошлого.

Список литературы

1. Альми И. Л. Метод и стиль лирики Е. А. Баратынского // Русская литература. 1968. № 1. С. 96–106.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / сост. С. Г. Бочарова; вступ. ст. Л. В. Дерюгиной; примеч. Л. В. Дерюгиной и С. Г. Бочарова. М.: Правда, 1987. 480 с.
3. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. Л.: Советский писатель, 1957. 412 с.
4. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / изд. подг. Л. Г. Фришман. М.: Наука, 1982. 720 с.
5. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 394 с.
6. Бодрова А. «Духи высшие, не я...»: к истории текста стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок» // История литературы. Поэтика. Кино: сб. в честь М. О. Чудаковой / ред.-сост. О. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М.: Новое издательство, 2012. С. 53–62.
7. Бодрова А. С. Поздняя лирика Е. А. Боратынского: источниковедческий и текстологический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2010. 245 с.
8. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянских культур / ред. тома А. С. Бодрова, Н. Н. Мазур; подг. текста и текстологич. коммент. А. С. Бодровой при участии А. Р. Зарецкого, Н. Н. Мазур, А. М. Пескова. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. Ч. 1. 608 с.
9. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем / ред. О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 2. Ч. 1. 440 с.
10. Боряк О. Традиційні уявлення про душу на теренах Українського Полісся (за польовими матеріалами) // Народознавчі зошити. 2021. № 6 (162). С. 1335–1348. DOI: <https://doi.org/10.15407/nz2021.06.1335>.
11. Бочаров С. Г. «О бессмысленная вечность!» От «Недоноска» к «Идиоту» // К 200-летию Боратынского: сб. мат. междунар. науч. конф., сост. 21–23 февр. 2000 г. / ред. И. А. Пильщиков. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 127–150.
12. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
13. Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.
14. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: работы 1978–2003 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
15. Виноградова Л. Н. Духи, вселяющиеся в человека // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1998. № 1. S. 131–140.
16. Виноградова Л. Н. Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М.: Индрик, 1999. С. 141–160.
17. Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.
18. Вятские губернские ведомости. 1871. № 33 (24 апр.).

⁸ См. также: [67, pp. 168–169].

19. Голикова С. В. Народная религиозность русского населения Урала XVIII – начала XX вв. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. 236 с.
20. Голикова С. В. Отношение к детской смертности в традиционной культуре русских Урала XVIII – начала XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 59–64.
21. Гофман М. Л. Поэзия Боратынского : историко-литературный этюд. Пг. : Государственная типография, 1915. 28 с.
22. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. СПб. : Наука, 2004–2005. Т. 1–2. 816, 727 с.
23. Дронова Т. И. Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // «Жили мы у бабушки, кушали оладышки...» (детский фольклор Усть-Цильмы) / сост. Т. И. Дронова (отв. сост.), Т. С. Канева. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2006. С. 20–47.
24. Журавлёв А. Ф. Из мелкой сволочи (русское демонологическое название *игоша*) // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М. : Индрик, 1999. С. 203–206.
25. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И. М. Долгорукова. М. : В Университетской типографии, 1870. 122 с. С. II.
26. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М. : Индрик, 1995. 432 с.
27. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001. 335 с.
28. Кабакова Г. И. Дети некрещеные // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 86–88.
29. Кабакова Г. И. Крестины // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 658–660.
30. Кабакова Г. И. Крещение // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 664–667.
31. Касаткина Т. А. Е. А. Боратынский: аспекты художественной антропологии. «Недоносок» // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е. А. Боратынского : коллективная монография / общ. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. СПб. : Нестор-История, 2023. С. 54–62.
32. Ковельман А. Б. Дух, бытие и свобода: «Недоносок» Боратынского в библейском контексте // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 88–99.
33. Королёва С. Ю. «В голбче-то у нас могильник»: детские захоронения вне общего кладбища в XX в. (практики и нарративы Северного Прикамья) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 138–149.
34. Коршунков В. А. Имеют ли душу животные и некрещеные младенцы? Как герой повести Н. Г. Помяловского стал свидетелем создания мифа // Человек. 2010. № 5. С. 122–131.
35. Левкиевская Е. Е. Вихрь // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 379–382.
36. Левкиевская Е. Е. Покойник «заложенный» // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 118–124.
37. Левкиевская Е. Е. Полесские поверья о некрещеных детях // Живая старина. 2009. № 4. С. 7–10.
38. Левкиевская Е. Е. Самоубийца // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 538–541.
39. Мазур Н. Н. «Недоносок» Боратынского // Поэтика. История литературы. Лингвистика : сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова / редкол.: А. А. Вигасин [и др.]. М. : ОГИ, 1999. С. 140–168.
40. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. 2. 800 с.
41. Немирович-Данченко Вас. Ив. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб. : Изд. П. П. Сойкина, [1904]. [Ч. 2]: Урал. С. 184. 448 с.
42. Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
43. Панфилов А. Ю. Из литературной предыстории стихотворения Е. А. Боратынского «Недоносок». URL: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/01cook.shtml (дата обращения: 11.09.2023).
44. Панченко А. «Заложенные родители»: смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. М., 2008. ([Сэфер]. Академическая серия. Вып. 22). С. 232–259.
45. Патроева Н. В. История «прозаизма» *недоносок* в русском поэтическом дискурсе // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 226–233.
46. Патроева Н. В. Стихотворение Е. А. Боратынского «Недоносок» и русская поэтическая традиция // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). С. 153–158.
47. Патроева Н. В. Судьба *недоноска*: история «непоэтического» слова в русской лирике // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 19. С. 67–77.
48. Песков А. М. Е. А. Боратынский: очерк жизни и творчества // Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М. : Языки славянских культур, 2002. Т. 1. С. 22–70.

49. Плотникова А. А. Ветер // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 357–361.
50. Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. Свердловск : Свердловское областное издательство, 1936. Т. 1. С. XVI. 475 с.
51. Рудакова С. В. Мотив смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 91–95.
52. Рудакова С. В. Трагедия человека в «Недonoсок» Е. А. Баратынского // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2013. Вып. 4. С. 9–16.
53. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб. : Петербургский писатель, 1995. 640 с.
54. Саводник В. Е. А. Баратынский. 1800–1900 : критический очерк. М. : Товарищество типо-литографии Владимир Чичерин, 1900. 18 с.
55. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М. : Художественная литература, 1970. 295 с.
56. Степанов В. П. Долгоруков // Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. Л. : Наука, 1988. Вып. 1. С. 279–283.
57. Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сб. мат-в к истории Вятского края. Вятка : Типография Губернского правления и литография Котлевич, 1881. Т. 2. 389–852, 111–186 с.
58. Сумерки : сочинение Евгения Боратынского. М. : В типографии А. Семана, 1842. 88, II с.
59. Тахо-Годи Е. А. Е. А. Боратынский – искушение недоказуемым // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е. А. Боратынского : коллективная монография / общ. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. СПб. : Нестор-История, 2023. С. 74–107.
60. Хетсо Г. Евгений Баратынский: жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø : Universitetsforlaget, 1973. 755 с.
61. Центральный государственный архив Кировской области.
62. Черниговский Д. Н. Антиклерикальные мотивы в сатирической поэзии И. М. Долгорукова // На пересечении языков и культур: актуальные проблемы гуманитарного знания. 2021. № 3 (21). С. 353–358.
63. Черниговский Д. Н. К истории одного мотива: Е. А. Баратынский и И. М. Долгоруков // Анализ художественного произведения : сб. науч. тр. / отв. ред. К. Г. Бронников. Киров : Кировский госпединститут, 1993. С. 23–30.
64. Kabakova G. La mort d'un enfant dans la tradition slave orientale // La mort de l'enfant: approches historiques et littéraires / sous la direction de Ch. Zarembo. Aix-en-Provence : Publications de l'Université de Provence, 2011. Pp. 47–58.
65. Liapunov V. A. Goethian subtext of E. A. Baratynskij's «Nedonosok» // Slavic poetics: essays in honor of Kiril Taranovsky / ed. by R. Jakobson, C. H. van Schooneveld, D. S. Worth. The Hague; Paris : De Gruyter and Mouton, 1973. Pp. 277–281.
66. Sedakova I. Unlived life: the death and funeral of a child in Slavic traditional culture // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2020. Vol. 80. Pp. 47–68. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol80/sedakova.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).
67. Yamaji A. Russian poets on death and the dead // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. Pp. 168–169. DOI: 10.15826/qr.2016.4.198.

Evgeny Boratynsky and the restless soul of an unbaptized baby

Korshunkov Vladimir Anatol'evich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This article examines Evgeny Boratynsky's poem "Nedonosok" (The Abortion), which is considered to be a masterpiece of Russian philosophical lyrics. The poem talks about a spirit wandering between the earth and the paradise in heaven. Unlike other "higher" spirits it cannot reach heaven: such the spirit revived a "nedonosok" who was not unviable. Researchers of Boratynsky's poetry have drawn attention to the fact that this poem reflects impressions from the texts of Dante Alighieri, Johann Goethe, as well as the Plato's philosophy and Old Testament images. The connection of Boratynsky's poem with traditional Slavic beliefs was also outlined. The purpose of this article is to analyze the narrative and image system of the poem, comparing it with the folklore and mythological ideas of Eastern Slavs.

An important feature of Slavic mythology was that premature and stillborn children were considered dangerous creatures. They appeared from the "other world" and were "unclean". That's why it was so important to baptize an infant and give him a Christian name: in this way a child was to be "humanized". Having left our world, unbaptized (premature, stillborn) babies began to dwell in the air. They were similar to "evil spirits", as well as to the souls of harmful people – sorcerers and sinners. Not allowed into heaven and not resting, they suffered themselves and made others suffer.

In his poem "Nedonosok" Boratynsky expressed folk beliefs about the "evil," "wrong," unprepared death and its consequences for a baby who left our world unbaptized. These archaic plots and images formed the

basis of this poem. They prompted the poet to the religious and philosophical meditations which reflected impressions from the texts of famous authors of the past.

Keywords: Russian poetry of 19th century, Evgeny A. Boratynsky (Baratynsky), philosophical lyrics, posthumous fate of human soul, ethnography of Slavs.

References

1. Almi I. L. *Metod i stil' liriki E. A. Baratynskogo* [Method and style of the E. A. Baratynsky's lyrics] // *Russkaya literatura* – Russian Literature. 1968. No. 1. Pp. 96–106.
2. *Baratynsky E. A. Stihotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Letters. Memoirs of contemporaries] / ed. by S. G. Bocharova, L. V. Deryugina. M. Pravda (Truth). 1987. 480 p.
3. *Baratynsky E. A. Poln. sobr. stihotvoreniy* [Complete collection of poems] / ed. by E. N. Kupreyanova. L. Sovetskij pisatel' (Soviet Writer). 1957. 412 p.
4. *Baratynsky E. A. Stihotvoreniya. Poemy* [Poems] / ed. by L. G. Frizman. M. Nauka (Science). 1982. 720 p.
5. *Bernshtam T. A. Molodost' v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan: uchenie i opyt Cerkvi v narodnom hristianstve* [Youth in symbolism of the transitional rites of the Eastern Slavs: the teaching and experience of the Church in folk Christianity]. SPb. Peterburgskoe vostokovedenie. 2000. 394 p.
6. *Bodrova A. "Duhi vysshie, ne ya...": k istorii teksta stihotvoreniya E. A. Baratynskogo "Nedonosok"* ["Higher spirits, not me...": on the history of the text of E. A. Baratynsky's poem "Nedonosok"] // *Istoriya literatury. Poetika. Kino: sb. v chest' M. O. Chudakovej* – History of Literature. Poetics. Cinema: collection in honor of M. O. Chudakova / ed. by O. Lyamina, O. Lekmanov, A. Ospovat. M. Novoe izdatel'stvo (New Publishing House). 2012. Pp. 53–62.
7. *Bodrova A. S. Pozdnyaya lirika E. A. Boratynskogo: istochnikovedcheskij i tekstologicheskij aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Late lyrics by E. A. Boratynsky: source study and textual aspects: diss. ... PhD in Philol. Sciences] // *Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet* – Russian State University of Humanities. M. 2010. 245 p.
8. *Boratynsky E. A. Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete works and letters]. M. Yazyki slavyanskih kultur. 2012. Vol. 3, part 1 / ed. by A. S. Bodrova, N. N. Mazur, A. M. Peskov. 608 p.
9. *Boratynsky E. A. Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete works and letters]. M. Yazyki slavyanskih kultur, 2002. Vol. 2, part 1 / ed. by O. V. Golubeva, A. R. Zarecky, A. M. Peskov. 440 p.
10. *Boryak O. Tradicijni uyavleniya pro dushu na terenah Ukraïns'kogo Polissya (za pol'ovimi materialami)* [Traditional ideas about a soul on the territory of Ukrainian Polissya (based on field materials)] // *Narodoznavchi zoshiti* – Ethnographic notebooks. 2021. No. 6 (162). Pp. 1335–1348. DOI: 10.15407/nz2021.06.1335
11. *Bocharov S. G. "O bessmyslennaya vechnost'!" Ot "Nedonoska" k "Idiotu"* ["Oh senseless eternity!" From the "Nedonosok" to the "Idiot"] // *K 200-letiyu Boratynskogo: sb. mat. mezhdunar. nauch. konf., sost. 21–23 fevr. 2000 g.* – To the 200th anniversary of Boratynsky: collection of materials from the international scientific conference, February 21–23, 2000 / ed. by I. A. Pil'shchikov. M. IMLI RAN Publ. House. 2002. Pp. 127–150.
12. *Bocharov S. G. Syuzhety russkoj literatury* [Plots of Russian literature]. M. Yazyki russkoj kul'tury. 1999. 632 p.
13. *Bocharov S. G. O hudozhestvennykh mirakh* [About artistic worlds]. M. Sovetskaya Rossiya. 1985. 296 p.
14. *Vajskopf M. Ptica trojka i kolesnica dushi: raboty 1978–2003 godov* [The troika bird and the chariot of soul: works from 1978–2003]. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. 576 p.
15. *Vinogradova L. N. Duhi, vselyayushchiesya v cheloveka* [Spirits possessing a person] // *Studia mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. No. 1. Pp. 131–140.
16. *Vinogradova L. N. Material'nye i bestelesnye formy sushchestvovaniya dushi* [Material and incorporeal forms of existence of a soul] // *Slavyanskie etyudy: sb. k yubileyu S. M. Tolstoj* – Slavic etudes: collection for the anniversary of S. M. Tolstaya / ed. by E. E. Levkieskaya. M. Indrik. 1999. Pp. 141–160.
17. *Vlasova M. Novaya ABEVEGA russkikh suverij: illyustrirovannyj slovar'* [New vocabulary of Russian superstitions: illustrated dictionary]. SPb. Severo-Zapad. 1995. 383 p.
18. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka Provincial Gazette]. 1871. No. 33 (April, 24).
19. *Golikova S. V. Narodnaya religioznost' russkogo naseleniya Urala XVIII – nachala XX vekov* [Folk religiosity of the Russian population of the Urals in the 18th – early 20th centuries]. Ekaterinburg. Bank kul'turnoj informacii. 2011. 236 p.
20. *Golikova S. V. Otnoshenie k detskoj smertnosti v tradicionnoj kul'ture russkikh Urala XVIII – nachala XX vv.* [Attitude to infant mortality in the traditional culture of Russians of the Urals in the 18th – early 20th centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural Historical Journal. 2017. No. 1 (54). Pp. 59–64.
21. *Gofman M. L. Poeziya Boratynskogo: istoriko-literaturnyj etyud* [Boratynsky's poetry: a historical and literary study]. Petrograd. Gosudarstvennaya tipografiya. 1915. 28 p.
22. *Dolgorukov I. M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsej zhizni, pisannaya mnoj samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-m godu ot rozhdeniya moego* [The story of my birth, origin and whole life written by myself and begun in Moscow in August 1788, in the 25th year from my birth]. SPb. Nauka (Science). 2004–2005. Vol. 1–2. 816, 727 p.
23. *Dronova T. I. Rozhdenie i vospitanie detej v tradiciyah russkikh staroverov-bespopovcev Ust'-Cil'my* [Birth and upbringing of children in the traditions of the Russian Old Believers-Bespopovtsy of Ust-Tsilma] // *"Zhili my u babushki, kushali oladyshki..." (detskij fol'klor Ust'-Cil'my)* – "We lived with our grandmother, ate pan-

cakes..." (children's folklore of Ust-Tsilma) / ed. by T. I. Dronova, T. S. Kaneva. Syktyvkar. Komi knizhnoe izdatel'stvo. 2006. Pp. 20–47.

24. Zhuravlyov A. F. *Iz melkoj svolochi (russkoe demonologicheskoe nazvanie 'igosha')* [From the petty bastard (Russian demonological name 'igosha')] // *Slavyanskije etyudy : sb. k yubileyu S. M. Tolstoj* – Slavic sketches : collection for the anniversary of S. M. Tolstaya / ed. by E. E. Levkievskaya. M. Indrik. 1999. Pp. 203–206.

25. *Zhurnal puteshestviya iz Moskvy v Nizhnij 1813 goda knyazya I. M. Dolgorukova* [Journal of travel from Moscow to Nizhny in 1813 by Prince I. M. Dolgorukov]. M. Universitetskaya tipografija. 1870. 122, II p.

26. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii: umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: those who died an unnatural death and the rusalkas]. M. Indrik. 1995. 432 p.

27. Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii* [Anthropology of a female body in the Slavic tradition]. M. Lodomir. 2001. 335 p.

28. Kabakova G. I. *Deti nekreshchenye* [Unbaptized children] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1999. Vol. 2. Pp. 86–88.

29. Kabakova G. I. *Krestiny* [Christening] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1999. Vol. 2. Pp. 658–660.

30. Kabakova G. I. *Kreshchenie* [Baptism] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1999. Vol. 2. Pp. 664–667.

31. Kasatkina T. A. E. A. *Boratynskij: aspekty hudozhestvennoj antropologii. "Nedonosok"* [Boratynsky: aspects of artistic anthropology. "Nedonosok"] // *Poeziya mysli: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiyu E. A. Boratynskogo : kollektivnaya monografiya* – Poetry of thought: from romanticism to modernity. To the 220th anniversary of E. A. Boratynsky : collective monograph / ed. by E. A. Takho-Godi. SPb. Nestor-Istoriya. 2023. Pp. 54–62.

32. Kovel'man A. B. *Duh, bytie i svoboda: "Nedonosok" Baratynskogo v biblejskom kontekste* [Spirit, being and freedom. Baratynsky's "Nedonosok" in the Bible context] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2021. No. 1. Pp. 88–99.

33. Korolyova S. Yu. *"V golbche-to u nas mogil'nik": detskie zahoroneniya vne obshchego kladbishcha v XX v. (praktiki i narrativy Severnogo Prikam'ya)* ["There are graves in our cellar": burials of children outside the common cemeteries in the 20th century (practices and narratives of the Northern Kama river's basin)] // *Tradicionnaya kul'tura* – Traditional Culture. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 138–149.

34. Korshunkov V. A. *Imeyut li dushu zhivotnye i nekreshchenye mladency? Kak geroj povesti N. G. Pomyalovskogo stal svidetelem sozdaniya mifa* [Do animals and infants died unbaptized possess a soul? How the hero of Nikolai Pomyalovsky's story has witnessed the creation of a myth] // *Chelovek* – The Man. 2010. No. 5. Pp. 122–131.

35. Levkievskaya E. E. *Vihr'* [Vortex] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1995. Vol. 1. Pp. 379–382.

36. Levkievskaya E. E. *Pokojnik "zalozhnyj"* ["Zalozhny" dead man] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 2009. Vol. 4. Pp. 118–124.

37. Levkievskaya E. E. *Poleskie pover'ya o nekreshchenyh detyah* [Polesie beliefs about unbaptized children] // *Zhivaya starina* – The Living Past. 2009. No. 4. Pp. 7–10.

38. Levkievskaya E. E. *Samoubijca* [Suicide] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 2009. Vol. 4. Pp. 538–541.

39. Mazur N. N. *"Nedonosok" Baratynskogo* ["Nedonosok" by Baratynsky] // *Poetika. Istorija literatury. Lingvistika : sb. k 70-letiyu Vyach. Vs. Ivanova* – Poetics. History of literature. Linguistics : collection to the 70th anniversary of Vyach. Vs. Ivanov / ed. by A. A. Vigin [et al.]. M. OGI. 1999. Pp. 140–168.

40. *Narodnaya demonologiya Poles'ya: publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka* [Folk demonology of Polesie: publication of texts in records of the 80–90s of the 20th century]. M. Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi. 2012. Vol. 2 / ed. by L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya. 800 p.

41. *Nemirovich-Danchenko Vas. Iv. Kama i Ural (ocherki i vpechatleniya)* [Kama and Ural (essays and impressions)]. SPb. P. P. Soykin's Edition. [1904]. [Part 2]. 184, 448 pp.

42. Nikitina A. V. *Obraz kukushki v slavyanskom fol'klore* [Image of a cuckoo in Slavic folklore]. SPb. SPbSU Filological Faculty Publ. House. 2002. 176 p.

43. Panfilov A. Yu. *Iz literaturnoj predystorii stihotvoreniya E. A. Baratynskogo "Nedonosok"* [From the literary background of E. A. Baratynsky's poem "Nedonosok"]. Available at: http://samlib.ru/p/panfilov_a_j/01cook.shtml (date accessed: 11.09.2023).

44. Panchenko A. *"Zalozhnye roditeli": smert', kollektivnaya pamyat' i sakral'noe prostranstvo* ["Zalozhnye roditeli": death, collective memory and sacred space] // *Sakral'naya geografiya v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii : sb. st.* – Sacred geography in the Slavic and Jewish cultural tradition : collection of articles / ed. by O. V. Belova. M. 2008. ([Sefer]. Akademicheskaya seriya. Is. 22). Pp. 232–259.

45. Patroeva N. V. *Istoriya "prozaizma" nedonosok v russkom poeticheskom diskurse* [Story of the "prosaic" word 'nedonosok' in the Russian poetic discourse] // *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* – Slavic Historical Lexicology and Lexicography. 2020. No. 3. Pp. 226–233.
46. Patroeva N. V. *Stihotvorenie E. A. Baratynskogo "Nedonosok" i russkaya poeticheskaya tradiciya* [Poem "Nedonosok" by E. A. Baratynsky and Russian poetic tradition] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philology. Theory and Practice. 2013. No. 6–2 (24). Pp. 153–158.
47. Patroeva N. V. *Sud'ba nedonoska: istoriya "nepoeticheskogo" slova v russkoj lirike* [Fate of 'nedonosok': story of "non-poetic" word in Russian lyrics] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* – Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. 2019. No. 19. Pp. 67–77.
48. Peskov A. M. E. A. *Boratynskij: ocherk zhizni i tvorchestva* [Boratynsky: an essay on life and work] // *Boratynskij E. A. Poln. sobr. soch. i pisem* – Boratynsky E. A. Complete collection of works and letters. M. Yazyki slavyanskih kul'tur. 2002. Vol. 1. Pp. 22–70.
49. Plotnikova A. A. *Veter* [Wind] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1995. Vol. 1. Pp. 357–361.
50. *Reshetnikov F. M. Poln. sobr. soch.* [Complete collection of works]. Sverdlovsk. Sverdlovskoe oblastnoe izdatel'stvo. 1936. Vol. 1. XVI, 475 pp.
51. Rudakova S. V. *Motiv smerti v poeticheskom mire E. A. Boratynskogo* [Motive of a death in the E. A. Boratynsky's poetic world] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. : Philology. Art history. 2009. No. 34 (172). Is. 36. P. 91–95.
52. Rudakova S. V. *Tragediya cheloveka v "Nedonoske" E. A. Boratynskogo* [Tragedy of a person in the "Nedonosok" by E. A. Boratynsky] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* – Bulletin of Udmurt University. Ser. : History and Philology. 2013. Is. 4. Pp. 9–16.
53. *Russkij demonologicheskij slovar'* [Russian demonological dictionary] / ed. by T. A. Novichkova. SPb. Peterburgskij pisatel'. 1995. 640 p.
54. *Savodnik V. E. A. Boratynskij. 1800–1900 : kriticheskij ocherk* [Boratynsky. 1800–1900 : critical essay]. M. Tovarishchestvo tipo-litografii Vladimir Chicherin. 1900. 18 p.
55. *Semenko I. M. Poety pushkinskoj pory* [Poets of the Pushkin's era]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1970. 295 p.
56. *Stepanov V. P. Dolgorukov* [Dolgorukov] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka* – Dictionary of Russian writers of the 18th century / ed. by A. M. Panchenko. L. Nauka (Science). 1988. Is. 1. Pp. 279–283.
57. *Stoletie Vyatskoj gubernii. 1780–1880 : sbornik materialov k istorii Vyatskogo kraja* [Centenary of the Vyatka province. 1780–1880 : collection of materials on the history of the Vyatka region]. Vyatka. Tipografiya Gubernskogo pravleniya i litografiya Kotlevich, 1881. Vol. 2. 389–852, 111–186 pp.
58. *Sumerki : sochinenie Evgeniya Boratynskogo* [Twilight : composition by Evgeny Boratynsky]. M. V tipografii A. Semena. 1842. 88, II pp.
59. *Takho-Godi E. A. E. A. Boratynskij – iskushenie nedokazuemym* [E. A. Boratynsky – temptation of the inprovable] // *Poeziya mysli: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiyu E. A. Boratynskogo : kollektivnaya monografiya* – Poetry of thought: from romanticism to modernity. To the 220th anniversary of E. A. Boratynsky : collective monograph / ed. by E. A. Takho-Godi. SPb. Nestor-Istoriya. 2023. Pp. 74–107.
60. *Kjetsaa G. Evgenij Baratynskij: zhizn' i tvorchestvo* [Evgeny Baratynsky: life and work]. Oslo ; Bergen ; Tromsø. Universitetsforlaget, 1973. 755 p.
61. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central State Archive of Kirov Region.
62. *Chernigovskij D. N. Antiklerikal'nye motivy v satiricheskoi poezii I. M. Dolgorukova* [Anti-clerical motifs in the satirical poetry of I. M. Dolgorukov] // *Na peresechenii yazykov i kul'tur: aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya* – At the Intersection of Languages and Cultures: Current Problems of Humanitarian Knowledge. 2021. No. 3 (21). Pp. 353–358.
63. *Chernigovskij D. N. K istorii odnogo motiva: E. A. Boratynskij i I. M. Dolgorukov* [On the history of one motif: E. A. Boratynsky and I. M. Dolgorukov] // *Analiz hudozhestvennogo proizvedeniya : sb. nauch. tr.* – Analysis of a work of fiction : collection of scientific works / ed. by K. G. Bronnikov. Kirov. Kirov State Pedagogical Institute Publ. House. 1993. Pp. 23–30.
64. *Kabakova G. La mort d'un enfant dans la tradition slave orientale // La mort de l'enfant: approches historiques et littéraires / sous la direction de Ch. Zarembo. Aix-en-Provence. Publications de l'Université de Provence. 2011. Pp. 47–58.*
65. *Liapunov V. A. Goethian subtext of E. A. Boratynskij's "Nedonosok"* // *Slavic poetics: essays in honor of Kiril Taranovsky* / ed. by R. Jakobson, C. H. van Schooneveld, D. S. Worth. The Hague; Paris. De Gruyter and Mouton. 1973. Pp. 277–281.
66. *Sedakova I. Unlived life: the death and funeral of a child in Slavic traditional culture* // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2020. Vol. 80. Pp. 47–68. Available at: <https://www.folklore.ee/folklore/vol80/sedakova.pdf> (date accessed: 16.12.2023).
67. *Yamaji A. Russian poets on death and the dead* // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4. No. 4. Pp. 168–169. DOI: 10.15826/qr.2016.4.198.